

Понятие *auctoritas* в Средневековье

Жулев В.В., РГГУ
wladislawking@gmail.com

Аннотация: Исследуется понятие *auctoritas* в Римской республике, его трансформация в Римской империи и закрепление его за Римским Папой в Средние века. Автор не ограничивается историко-филологическим исследованием, в статье даётся анализ эссе Ханны Арентс «Что такое авторитет», в которой политическая философия Платона и Аристотеля представляет собой попытку ввести это понятие в политическую сферу, однако подчеркивается, что полисная система Греции имела иное представление о политике и, что очевидно, концепция авторитета в римском духе там не могла появиться. Сделана попытка на основе средневековых источников и современных исследований представить место церкви в средневековой Европе, её отношение с императором Священной Римской Империи и другими светскими владыками, а также процесс легитимации власти римско-католической церкви от послания Геласия I императору Византии Анастасию до разработки концепции полноты власти церкви Иннокентием III, что привело впоследствии к стиранию границ между «*auctoritas*» и «*potestas*».

Ключевые слова: *auctoritas*, полис, Платон, Аристотель, Римская республика, Цицерон, гражданин, император, христианство, Теория «двух мечей», Геласий I, Иннокентий III.

1.1 Постановка проблемы *auctoritas*

В различных сферах общественной жизни, в том числе и политической, мы часто сталкиваемся с понятием «авторитет». Высказывания специалистов/исследователей по каким-либо вопросам являются для нас «авторитетными» и часто их мнение становится для нас истиной. Однако, вместе с этим можно констатировать, что в современном либеральном мире авторитет вытесняется путём грубой интерпретации этого понятия. Особенно это заметно в политической и воспитательной сфере, где авторитет политика и педагога сильно пошатнулись. Мы видим, что данное понятие постепенно приобретает негативные коннотации, и конечно, это связано со страхом возвращения авторитарных режимов прошедшего столетия. Насколько этот страх оправдан или нет, мы говорить не будем, но сосредоточимся на рассмотрении самого феномена авторитета, найдем его истоки и проследим его историю до конца Средних веков.

Один из известных современников Карла Великого, описывая внешность императора, говорил: «*Corpore fuit amplo atque robusto, statura eminenti, quae tamen iustam non excederet — nam septem suorum pedum proceritatem eius constat habuisse mensuram —, apice capitis rotundo, oculis praegrandibus ac vegetis, naso paululum mediocritate excedenti, canities pulchra, facie laeta et hilari. Unde formae auctoritas ac dignitas tam stanti quam sedenti plurima acquirebatur; quamquam cervix obesa et brevior*

venterquer proiectior videretur, tamen haec ceterorum membrorum celabat aequalitas»¹. Перевод данного фрагмента: «Он обладал могучим и крепким телом, высоким ростом, который, однако, не превосходил положенного, ибо известно, что он семи собственных ступней в высоту. Он имел круглую макушку, большие и живые глаза, нос чуть крупнее среднего, красивые волосы, веселое привлекательное лицо. Все это весьма способствовало авторитету представительности его облика и когда он сидел, и когда он стоял. И хотя его шея казалась толстой и короткой, а живот выпирающим однако, это скрывалось соразмерностью остальных членов»².

Приведенный отрывок интересен тем, что в нем встречается понятие *auctoritas*, которым, по мнению Эйнхарда, обладает король франков благодаря внешним данным. Возникает вопрос – а всегда ли авторитет человека имел свои источник в «благородстве наружности», и как сейчас мы понимаем авторитет? Если мы обратимся к работе А.В. Марей «Авторитет или Подчинение без насилия», то найдём там следующее определение: «Авторитет – это социально признаваемое знание, имеющее своим истоком либо внутрисложенное (социальный/моральный авторитет), либо внеположенное (политический/религиозный авторитет) начало и обуславливающее добровольное подчинение людей, основанное на убеждении или на вере, носителю этого знания»³. Как мы видим, данное определение отлично описывает современное понимание термина, но, очевидно, является следствием долгого пути, который был пройден *auctoritas*. Именно поэтому вопрос об истоках становится необходим. Эйнхард, как один из деятелей Каролингского возрождения, прекрасно знал античных авторов, поэтому его понимание слова *auctoritas* коренится в римской культуре. По этой причине нам будем необходимо подробно исследовать корни понятия «авторитет», которые восходят к Римской республике. Теперь необходимо сказать несколько слов о Средневековье.

Мир Средних веков со страниц учебников по истории и исторических романов кажется нам либо мрачным миром, где царствует мракобесие, источником которого является католическая церковь, либо мы начинаем идеализировать прошедшую эпоху, наполняя её нашими фантазиями и представлениями. Справедливо будет сказано, что от перечисленных точек зрения стоит избавляться. И отчасти в своей работе мы намерены способствовать этому. Мы постараемся показать, что взаимоотношения между императором, королями, епископами и папой римским были довольно рациональными и детально просчитанными, и во многом люди средневековой Европы ближе к нам, чем мы думаем.

Решимся на мысленный эксперимент – допустим, что власть лишилась своего авторитета, т.е. утратила легитимность; как будет функционировать государственный аппарат – обратится ли он к репрессиям? Как показывает история, потеря авторитета приводит к насаждению подчинения с помощью грубой силы, достаточно вспомнить Кронштадтское восстание 1921 г., где среди многих лозунгов был призыв к свержению

¹ Эйнхард Жизнь Карла Великого. Вступительная статья, перевод, примечания, указатели М.С. Петровой. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 101 – 103.

² Там же

³ Марей А.В. Авторитет или Подчинение без насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 23.

диктатуры большевиков. Почему же матросы отказались подчиняться власти и выдвинули столь серьёзное требование? Историки справедливо могут указать на экономическую ситуацию в истерзанной гражданской войной стране, но экономический фактор не может быть единственным, отказ подчиняться власти означает, что власть потеряла некий компонент, который до этого обеспечивал подчинение, и этим компонентом является авторитет. Приведенная нами ситуация явилась бы неплохой аналогией, к примеру, конфликту между императором Генрихом IV и анти-королём Рудольфом Швабским. До отлучения папой Григорием VII повеления императорской власти имели силу закона, т.е. были легитимны, но ситуация кардинально изменилась с возникновением конфликта с Папой; последовавшее за этим отлучение лишило императора легитимности – теперь его приказы можно было рассматривать лишь как грубую силу, что развязывало руки недовольным герцогам и повлекло за собой крупное восстание на территории Священной Римской Империи.

К началу высокого Средневековья во всех странах Европы уже сложилась феодальная система⁴, т.к. крестьянство постепенно теряло свою свободу и попадало в феодальную зависимость. Наряду с этим сложившаяся система вассально-ленных отношений в королевстве франков распространилась на соседние королевства. Таким образом, выстроилась сложная вертикальная иерархия, исходившая чаще всего от короля (суверена) к его вассалам – герцогам, графам, баронам и, наконец, рыцарям. В этой системе вассалы должны были на некоторое время предоставлять своему суверену войско и свой меч для «продолжения политики иными средствами». Итак, сила суверена зависела от количества прямых вассалов, и конечно, от его титула. Однако одной светской власти недостаточно, королям и императору был необходим авторитет, на который претендовала церковь. Не лишним будет вспомнить, что наличие вассальных отношений ещё не гарантировало полную поддержку императора Священной Римской Империи в его начинаниях, более того, папа римский мог отменить все обязательства, подвергнув правителя анафеме, как это и случалось во всех конфликтах между императорами и Святейшим Престолом. Отлучение было действенным средством в политической борьбе и, как правило, обезоруживало противников, но развитие доктрины церковного авторитета позже привела к слиянию двух понятий – власть и авторитет, что сыграло на руку светским суверенам.

Что же такое авторитет для Средневековья, к каким корням он восходит и почему, по мнению римских пап, он находился в руках католической церкви, а светские владыки должны обладать только властью – эти и ряд других вопросов мы постараемся решить в этой работе, исследуя историю этого понятия со времён Римской республики, мы можем понять саму природу этого термина.

2.1 Влияние греческой политической философии на формирование понятия авторитет

В данной главе мы рассмотрим те места в крупных политических учениях Античности, в которых была проведена попытка ввести в полисную систему

⁴ Здесь и далее мы будем опираться на работу советского историка, медиевиста Н.Ф. Колесниченко Феодальное государство (VI-XV вв.)

специфическое понятие, родственное авторитету.

Обращаясь к политическим учениям Античности, мы обнаруживаем одну закономерность – все они связаны с полисом, достаточно привести двух крупных философов той эпохи, Платона и Аристотеля, которые разрабатывали свои проекты идеального государства, не выходявшие за пределы полисной системы. Что же такое полис? Распространённая формулировка гласит, что полис – это «город-государство», но, как мы видим, данная дефиниция мало проясняет дело, за что её справедливо критиковал С. Л. Утченко и предлагал на наш взгляд более удачное определение: «полис — гражданская община»⁵. Несомненно, что это понятие имело более широкое значение. Платон в «Государстве» обращается к полису для поиска ответа на вопрос – что есть справедливость, и указывает на то, что полис возникает по причине того, что каждый человек не может удовлетворить сам себя, он вынужден привлечь другого для удовлетворения своих нужд и, таким образом, нужда собирает людей в единое целое⁶. Аристотель, следуя путём своего учителя, делает важные дополнения в первой книги «Политики»: «ἐπειδὴ πᾶσαν πόλιν ὁρῶμεν κοινῶνίαν τινὰ οὖσαν καὶ πᾶσαν κοινῶνίαν ἀγαθοῦ τινος ἔνεκεν συνεστηκυῖαν (τοῦ γὰρ εἶναι δοκοῦντος ἀγαθοῦ χάριν πάντα πράττουσι πάντες), δῆλον ὡς πᾶσαι μὲν ἀγαθοῦ τινος στοχάζονται, μάλιστα δὲ [5] καὶ τοῦ κυριωτάτου πάντων ἢ πασῶν κυριωτάτη καὶ πάσας περιέχουσα τὰς ἄλλας. αὕτη δ' ἐστὶν ἡ καλουμένη πόλις καὶ ἡ κοινῶνία ἢ πολιτική» (1252a). Перевод фрагмента: «Ибо, как мы видим, всякий полис представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется полисом или общением политическим».

Как мы видим, полисное устройство греков в своей сердцевине не предполагало проблему подчинения или авторитета, ибо подчинение было одним из главных компонентов худшего полисного устройства, т.е. тирании, в которой тиран, опираясь на вооруженную охрану, берет на себя все обязанности, некогда бывшие в руках свободных граждан – «он [тиран] полностью уничтожил публичную сферу полиса — «полис, принадлежащий одному человеку,—это не полис»— и отнял у граждан ту политическую способность, которая, по их мнению, составляла саму сущность свободы»⁷. С другой стороны, мы можем констатировать, что войны не были редкостью для античной Греции и требовали от жителей полиса подчинения, как Ханна Арентс пишет: «необходимость принимать и осуществлять решения составляет, по-видимому, почти готовую причину для того, чтобы ввести отношения авторитета»⁸. Если тираниа Платон и Аристотель отвергали по известным причинам, то фигура полководца была связана с чрезвычайным положением, установки которого не распространялись на мирное время.

⁵ Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима М.: Наука, 1977. С. 19.

⁶ Государство 369 b-c

⁷ Арентс, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 158.

⁸ Там же.

2.2 Трактровка Ханны Аренд политической философии Платона как попытки ввести понятие авторитета в политическую сферу

Однако несмотря на тот факт, что греки так и не смогли создать рассматриваемое нами понятие, мы можем констатировать, что они достаточно близко подошли к нему; так Платон приблизился к *auctoritas* максимально близко в «Государстве», и это связано с фигурой философа-царя. Из «Государства» следует, что разум является тем, с помощью чего можно принуждать, ибо это то, что очевидно принимается всеми, а значит, таким образом мы можем повелевать без насилия, но здесь возникает проблема на которую указывает Перельман – аргументация, базирующаяся на правилах логики, крайне неэффективна для убеждения толпы. Этого же мнения придерживается и Ханна Арендт, говорившая о том, что метод аргументации мало пригоден для управления, нужно нечто, позволяющее повелевать без использования грубой силы⁹. Может возникнуть вопрос – почему Платон так выделил фигуру философа, несмотря на его явное сходство в описании с фигурой тирана? Один из возможных ответов на этот вопрос связывает события смерти Сократа, которые, очевидно, имели воздействие на Платона – развернувшаяся на его глазах трагедия ясно показала безнадежность восстания против общины. Ханна Арендт полагает, что главным образом в целях безопасности философ должен стать правителем, а благо полиса, патриотизм и т.п. играют второстепенную роль¹⁰. Конечно, с этим можно не согласиться, ведь на последнее мы смотрим глазами современного человека, для которого такие понятия, как честь, благородство, самопожертвование и т.д. являются пустыми звуками, чуждыми духу буржуазного мира.

Теперь вернёмся к возникшей проблеме – каким образом философ может принуждать без использования силы? Решение этой проблемы связано с искомым в «Государстве» понятием справедливости, дефиниция которого звучит так – совершение вещами тех действий, к которым их предназначила природа, и есть справедливость, таким образом отношение раба – господина (замените на «философ – гражданин», смысл останется тем же, вопрос лишь в окраске слов) являются справедливыми, а значит, они находятся в области действия права¹¹. Платон приводит много аналогий – пастух-овцы, врач-больной, кормчий – экипаж корабля и т.д., интересным является тот факт, что во всех перечисленных случаях знание выступает основой для повеления – мы слушаемся предписаний врача или приказов кормчего потому, что наше доверие базируется на вере в их мастерство. Примерно так же аргументирована необходимость подчинения граждан философу, ибо он единственный, кто может покинуть стены пещеры для созерцания вечных идей и вернуться для того, чтобы «поделиться» полученным знанием с остальными. Таким образом, философ предстаёт перед нами в роли демиурга, задавая общественные структуры посредством созерцания вечных форм. Как мы видим, у Платона сфера идей сливается с этикой и проецируется в имманентный мир, как Ханна Арендт пишет: «Идеи становятся незыблемыми, «абсолютными» эталонами политического и морального поведения в том же смысле, в

⁹ Там же. С. 163.

¹⁰ Арендт, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 163.

¹¹ Здесь право употребляется в римском понимании.

каком «идея» кровати вообще — эталон, по которому делают кровати и судят о пригодности уже изготовленных»¹². Стоит сразу отметить, что эта точка зрения оказала сильное влияние на последующую мысль, поскольку представление о том, что источник авторитета трансцендентен по отношению к власти, будет доминирующим в Средневековье.

Все аналогии Платона, связанные с искусствами и ремеслами, приводят к абсолютному техницизму¹³ в политике – политик или, точнее, знаток, подобен мастеру, творящему из глины амфору, или кормчему, искусно управляющему кораблём. В таком случае в полисной системе политикой занимаются уже не граждане, а только те, кто имеет знание политического. Это не могло быть воспринято античной публикой, и Платон прекрасно это понимал и усилил свою аргументацию за счет мифов – тех, кто жил справедливо (т.е. подчиняясь или управляя), в загробной жизни ожидало вознаграждение.

Заканчивая наш разговор о влиянии Платона на формирование понятия *auctoritas*, мы можем сказать следующее: миф о пещере даёт нам ясное представление о понимании политики Платоном – все обитатели пещеры «являются людьми лишь постольку, поскольку тоже хотят видеть, хотя и продолжают обманываться тенями и образами»¹⁴. Легитимность философов – правителей проистекает именно из желания видеть, ибо только в таком случае человек будет человеком в подлинном смысле. В итоге, желание людей и философов совершать что-либо с оглядкой на власть, находящуюся вне их сферы, совпадает.

2.3 Политическая философия Аристотеля как продолжение линии Платона

Вторым крупным философом, попытавшимся ввести авторитет в политическую жизнь полиса, был Аристотель. Он не мог принять явно тиранический характер власти философов, а вместе с этим платоновский идеализм, однако несколько основных компонентов своего политического учения Аристотель берёт у своего учителя.

Так, Аристотель утверждал: «[Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу], в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному». [1252a 30] Итак, политическое тело должно состоять из двух субъектов – правителя и подданного, и это имеет всю ту же основу – в теории вещей, которую ранее мы встретили у Платона. Другим основанием аристотелевского разделения служит следующее: «Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину, и рабу полезно одно и то же». [1252a 35] Наличие знания вновь выступает основанием подразумеваемого авторитета правителя, в силу которого он может понуждать. Однако через власть господина над

¹² Там же. С. 167.

¹³ Термин позаимствован у Карла Шмитта. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы М.: Наука, 2005. С. 26.

¹⁴ Арндт, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 175.

рабом невозможно описывать политическую действительность античного полиса, все примеры Аристотеля, как и у Платона, служат обоснованием дихотомии: властвующий – подчинённый. В седьмой книге «Политики» Аристотель даёт нам ответ на вопрос – кто должен властвовать и в силу какой причины «Сама природа установила это различие: она сделала одно и то же по своему происхождению существо более молодым и более зрелым. Одним из них подобает быть в подчинении, другим — властвовать. Никто, считаясь с соответствующим возрастом, не станет негодовать на то, что он находится в подчинении, и не будет считать себя лучшим, раз он знает, что и он при других условиях получит свою долю в пиршестве, именно когда достигнет надлежащего возраста». [1332b 35] В этом фрагменте мы находим отличие политической философии Аристотеля от Платона – властвуют не в силу того, что кто-то является знатоком, а в силу самой природы.

В данном аргументе Аристотель противоречит сам себе, ведь из 1328-1329 фрагментов следует, что граждане идеального полиса, объединённые стремлением к счастью, являются равными¹⁵. Ханна Арентд, объясняя это противоречие банальной слабостью аргумента, далее отсылает нас к трактату «Экономика», в котором говорится примерно то же самое, о чем говорилось выше: «существенная разница между политическим сообществом и частным домохозяйством в том, что последнее образует «монархию», правление одного, тогда как полис, напротив, «составлен из многих правителей»¹⁶. Ханна Арентд пытается доказать, что различие между правителями и подчинёнными политическому пространству полиса неизвестно – она содержится в экономической сфере домашнего хозяйства, в которой главы семейств являются монархами, а в общественной жизни – «многие правители»; таким образом, дихотомия «властвующий – управляемый» проистекает из предшествующей политике сферы¹⁷.

Проведенное Аристотелем различие между частной и публичной сферой отражало действительность греческого полиса, и определение человека как животного политического было вполне понятно грекам. Две эти сферы имели коллективный характер, и первая из них образовывала экономический базис, который обеспечивал выживание полиса; из этой посылки Ханна Арентд выводит, что проблема сохранения жизни для древних не выходила за пределы экономической/частной жизни¹⁸. Со времени выхода «Левиафана» Томаса Гоббса мы знаем, что именно сохранение жизни запускает процесс политики – люди объединяются для заключения общественного договора, и устанавливается власть суверена, который главным образом должен

¹⁵ Аристотель о гражданах идеального полиса: «Так как мы исследуем вопрос о наилучшем государственном строе, а это тот строй, при котором государство может быть наиболее счастливым, счастье же, как об этом сказано ранее, не может существовать отдельно от добродетели, то отсюда ясно, что в государстве, пользующемся прекраснейшим устройством и объединяющем в себе мужей в полном смысле справедливых, а не условно справедливых, граждане не должны вести жизнь, какую ведут ремесленники или торговцы (такая жизнь неблагородна и идет вразрез с добродетелью); граждане проектируемого нами государства не должны быть и землешаппами, так как они будут нуждаться в досуге и для развития добродетели, и для политической деятельности». [1328b 35].

¹⁶ Арентд, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 178.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Забота о сохранении жизни — и это характерное отличие от современного подхода — целиком и полностью была делом частной сферы». С. 179.

обеспечивать безопасность подданных. С точки зрения Арндт, политика у древних греков не была связана с вопросом сохранения жизни, т.е., существовавшие во времена Солона споры между мелкими и крупными землевладельцами, задавшие политический тон в Афинах на многие годы, вопросы колонизации, от которых зависело благополучие любого полиса, вопросы строительства флота, вопросы войны и мира и т.п. – все эти проблемы как раз и решались гражданами полиса.

Проблема сохранения жизни была не чужда публичной сфере полиса, но вопрос как раз в акценте – и тут можно со всей очевидностью констатировать, что для греков эта проблема не была преобладающей: готовность умереть в строю фаланги за свой полис для современного человека не всегда понятна. Поэтому для Аристотеля вопрос войны не вызывает каких-либо проблем – здесь всё предельно типично¹⁹. Нас интересует совсем иное – Аристотель теоретически обосновывает рабство, на котором держится вся экономическая сфера полиса. Природа сама предопределила, кому господствовать, а кому подчиняться, и, таким образом, граждане по праву господствуют над рабами, а, следовательно, и над необходимостью.

Диктат необходимости – это преграда, не позволяющая гражданам быть свободными в подлинном смысле, и единственное лекарство, которое предлагает Античность заключается в эксплуатации рабов. Ханна Арндт пишет об этом так: «Свобода политического пространства начинается тогда, когда с помощью господства преодолеваются все элементарные нужды жизни как таковой; так что господство и подчинение, повеление и послушание, правление и наличие тех, кем правят, служат условиями создания политического пространства именно потому, что не составляют его содержания»²⁰.

Подводя некоторые итоги рассмотрения политического учения Аристотеля, мы можем утверждать, что Стагирит, следуя за Платоном, подошёл близко к феномену авторитета. Как и его учитель, он попытался вывести это понятие из других сфер – рабовладение, домохозяйство и семья, однако, полученные категории не смогли адекватно описать политическую составляющую полиса. Достаточно обратить внимание на противоречие, которое следует из разделения управляющих и управляемых по аналогии с младшими и старшими. Этот пример связан со сферой воспитания, которая ответственна за подготовку будущих правителей, но обнаружить здесь какое-либо управление, подобное политическому управлению, невозможно, т.к. учитель и ученик являются равными²¹. Политикой в полисе занимаются как раз те, кто окончил обучение или достиг определенного возраста, а учащиеся или обычные дети тогда, как и сейчас, к управлению не допускаются. Несмотря на всё это, Ханна Арндт считает пример Аристотеля уместным: «в образовании и воспитании необходимость «авторитета» очевиднее, чем где-либо»²². Конечно, авторитет учителя отличен от авторитета правителя, но в своей сердцевине они одинаковы, более того, имеют один источник, к этому добавим, что сама эта аналогия оказалась продуктивной.

¹⁹ «Отсюда, таким образом, следует, что нужно заботу о военных делах считать прекрасной, но не высшей и главной целью всего, а лишь средством к ее достижению». [1325a 5]

²⁰ Арндт, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 180.

²¹ Там же. С. 181.

²² Там же.

Заканчивая главу, посвященную политической философии греков, стоит отметить, что исторические обстоятельства, а именно – кризис полисной системы, предопределили политический дискурс IV в. до н.э. Аристотель и Платон попытались ввести в политическую жизнь концепт авторитет для предотвращения гибели полиса, но их задача была уже изначально обречена на провал, поскольку сама полисная система в политическом аспекте не даёт предпосылок к введению искомого понятия. Политический опыт молчал, и оставалось только обратиться к другим сферам – медицина, воспитание и т.д., которые давали блеклое подобие авторитета, которое не могло успешно работать в политической реальности.

3. Понятие *auctoritas* в Римской республике и империи

3.1. Истоки *auctoritas*

Понятие «авторитет» было введено римлянами, чей уклад жизни, как кажется, почти не отличался от греческого, однако то, в чем греческие философы, несмотря на гигантские усилия мысли, так и не добились успеха, римляне смогли осуществить без всяких трудностей. Как римляне понимали авторитет, с чем это было связано и как отразилось на политической жизни Средневековья – вот основные вопросы на которые нам предстоит дать ответ в этой главе.

Если мы обратимся к текстам, относящимся к ранней римской истории, то обнаружим, что понятие *auctoritas* почти не употреблялось, а из имеющихся сведений сделать какие-либо выводы не представляется возможным²³. Можно ли это объяснить банальным отсутствием данных, либо есть другое объяснение? Давайте сравним греческий и римский полисы для того, чтобы понять, в чем они повторяют друг друга, а в чем расходятся. В работе С.Л. Утченко мы можем найти нужный нам анализ понимания полиса тремя философами: Платоном, Аристотелем и Цицероном.

1) все рассматриваемые философы говорят о гражданской общине;

2) все они приходят к выводу, что объединение людей в полис осуществляется по причине необходимости создания материальных и духовных ценностей, которые не может создать один индивид;

3) «в обоих случаях возникновение полиса обусловлено не только причиной, но и целью; цель эта для всех трех авторов едина, но каждый интерпретирует ее несколько по-своему: у Платона это — η δικαιοσύνη, у Аристотеля — $\epsilon\nu$ ζήν, у Цицерона же стремление к справедливости и «благой жизни» находит выражение в требовании охраны и гарантии собственности (*ut communibus pro communibus utatur, privatis ut suis*)»²⁴;

4) в случае Платона и Аристотеля полис — «единственно возможная форма социальной организации»²⁵.

Таким образом, все три философа мыслили в рамках одной категории, но можем ли мы сделать из этого вывод, что римская полисная система ничем не отличалась от греческой и сам термин «римский полис» является пустым понятием? Такой вывод

²³ На это указывает А. В. Марей в своей работе - Авторитет или Подчинение без насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 26.

²⁴ Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима М.: Наука, 1977. С. 27.

²⁵ Там же.

делает в своей работе «Политическое учение Древнего Рима» С.Л. Утченко: «Подобное противопоставление лишено, на наш взгляд, серьезных оснований — оно базируется на слишком «ограничительном» или слишком поверхностном понимании природы полиса. Отнюдь не отрицая специфических черт как греческой, так и римской «государственности», мы, тем не менее, считаем, что известные нам основные, принципиальные «структурообразующие» элементы полиса одни и те же, независимо от того, идет ли речь о Греции или Риме. Эти элементы определяют самую суть полиса, они как бы условия его существования»²⁶. Однако на наш взгляд эта точка зрения является слишком категоричной, ведь если мы её примем безапелляционно, то встретим ряд противоречий – греческий полис так и не смог выйти из кризисного состояния, даже созданной Александром Великим империи греки не смогли дать теоретического обоснования, и неудивительно, что её век оказался краток. Греческие военачальники отказались от изжившей себя и не отвечавшей реальности полисной системы и правила как восточные деспоты. Совершенно иную ситуацию мы наблюдаем в истории Римской республики – римляне смогли покорить огромную территорию, и римская полисная система не помешала им в этом. Несомненно Рим, по своему устройству, был таким же полисом, как Афины или Сиракузы, и для римлянина, как и для грека классической эпохи, полис являлся средоточием государственной жизни, а следовательно, политическое мышление жителей полисов не выходило за пределы городских стен. Право на участие в политической жизни полиса имел каждый гражданин по праву своего рождения, в действительности это участие варьировалось, но, несмотря на это, можно утверждать следующее – для полисной системы характерен принцип коллективности в политике. Таким образом, полисная система, как мы уже говорили ранее, не могла предполагать некоего индивида, творящего политику, без опоры на мнение коллектива, и поэтому понятие *auctoritas* было чуждо грекам. Так в чем же ключевое различие между римлянами и греками? На наш взгляд оно, по крайней мере, заключается в изначальном наличии в политическом пространстве понятие *auctoritas*.

Ханна Арендт предполагает, что в сердцевине римской политики находилось убеждение о священном основании: то, что было некогда основано, сохраняет свою обязательную силу на последующие века²⁷. И это предположение подтверждается характером исторического повествования, присущего римским историкам – в начале всегда находится *Urbs* (т.е. Рим), который представлялся как нечто завершенное и цельное²⁸. Для римлян было характерно трепетное отношение к традиции и предкам, неслучайно «Дикий Лаций», отставший в развитии искусств от Греции, подарил миру скульптурный портрет, отличающийся небывалом реализмом, целью, которого являлось сохранение памяти. Подобное отношение к истории мы не найдём ни у одного древнего народа. Несомненно, древняя традиция, идущая со дня основания Города,

²⁶ Там же.

²⁷ Арендт, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 183.

²⁸ Коллингвуд очень точно подметил характер римской историографии на примере Полибия: «История для него означала непрерывность — унаследование от прошлого институтов, форма которых бережно сохранялась, организацию жизни по образцам древних обычаев. Римляне остро осознавали преемственность своей жизни с прошлым и тщательно сохраняли памятники этого прошлого». С. 35.

оказывала огромное влияние на политику - «заниматься политикой означало прежде всего оберегать основание города Рима»²⁹. *Patria* в современном смысле имеет именно римские корни – если для греков в виду экономических и социальных трудностей было обыкновением покидать родной полис в поисках лучшего берега, то каждый римлянин не мог себя помыслить без Рима, основание которого неповторимо.

Важно, что римские авторы подчеркивали религиозность древних римлян. Саллюстий назвал их «*religiosissimi mortales*» («Заговор Катилины», 12), т.е., благочестивейшими из смертных, а Цицерон утверждает, что римляне отличаются «благочестием, почитанием богов» («Об ответах гаруспиков», IX, 9) от остальных народов. Для римлян религиозность была связью с прошлым – легендарным основанием Города, с этой точкой зрения согласны такие разные авторы, как Ханна Арендт и Юлиус Эвола. Эвола утверждает, что религия для римлян была связана с «таинственным происхождением «священного города»»³⁰, а Арендт обращает внимание на само слово *religare*, из которого она выводит, что религия – это «быть привязанным, обязанным огромному, почти сверхчеловеческому и потому легендарному старанию заложить основы и краеугольный камень, основать навечно»³¹. Таким образом, политика была переплетена с религией и в какой-то степени тождественна последней, что подтверждает Цицерон: «Ни на какой другой nive человеческая искусность не подходит так близко к путям богов (*pumen*), как при основании новых и сохранении уже основанных сообществ». («О государстве», 1, 7.)

Таков исторический контекст понятия «авторитет». Касаемо происхождения самого слова *auctoritas* следует сказать, что оно не вызывает противоречащих трактовок. Александр Марей и Ханна Арендт в своих работах говорят об одном – это слово восходит к существительному *auctor*, а оно имеет своим источником глагол *augere*, который означает – (при)умножать, увеличивать, расширять и т.д.³² Как мы видим, многозначная палитра значений этого глагола не может дать нам однозначности в понимании *auctoritas*. С другой стороны Ханна Арендт уже из истоков выводит, что «авторитет, или те, кто им обличен, постоянно приращивают не что иное, как основание»³³. Как показывает текст Дигест, в начале истории авторитетом обладали мудрые люди,³⁴ а также «старейшины» или сенаторы и сенат, источником их *auctoritas* было древние и благородное происхождение, идущее от основания Города. Как мы видим, в римской истории авторитет сенаторов или мудрецов является тем, что придаёт чему-либо значимость, силу и т.п. Так в Дигестах среди источников гражданского права

²⁹ Арендт, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 183.

³⁰ Эвола Ю. Традиция и Европа. — Тамбов, 2009. С. 11.

³¹ Арендт, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 184.

³² Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь Изд. 2-е, переработ. и доп. — М.: Русский язык, 1976. — 1096 с.

³³ Арендт, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 185.

³⁴ «Обычно бывает, что толкование нуждается в авторитете мудрецов, и после издания указанных законов стало необходимым обсуждение их на форуме (на суде). Это обсуждение и это право, которое произошло от мудрецов и не было записано, не получили (особого) названия, тогда как другие части права имеют свои названия, но получили общее название «право».

упоминаются, наряду с законами, плебисцитами сенатусконсультов, декретами принцепсов, мнения мудрецов [в оригинале *auctoritate prudentium*]³⁵, т.е., авторитет мудрецов придает некому решению или высказыванию по тому или иному вопросу силу обязательного исполнения. Эта древняя римская традиция сохранится в Средневековье, где правовые споры решались обращением к профессорам юридических кафедр; этот метод прекрасно функционирует и в наши дни в Германии.

После небольшого отступления нам следует перейти ко времени кризиса республики и возникновению Римской империи по той причине, что до этих событий понятие *auctoritas* почти не употребляется.

3.2. Авторитет гражданина и императора – концептуальная разница

В I в до н.э. мы можем наблюдать всплеск употребления слова *auctoritas*. Оно встречается в работах Гая Юлия Цезаря, Корнелия Непота, Цицерона, Гая Саллюстия Криспа и т.д. Возможно, это обусловлено кризисом римской республики, связанным с расширением власти Рима за пределы его стен, Республика с полисной системой не соответствовала сложившейся ситуации, что привело в гражданским войнам, которые закончились принципатом Августа в I веке н.э. Так совпало, что образование Римской империи связано с появлением огромного числа исторических фигур разного калибра, от Цезаря до Антония, и вместе с этим мы наблюдаем, как авторитет сената падает, а на первый план выступает авторитет конкретного человека. Теперь нам стоит понять, как стали понимать авторитет римские авторы.

Ответ на этот вопрос нам дают защитные и обвинительные речи Цицерона, в которых мы видим, что авторитет используется для характеристики личности, как пишет А. Марей: «Прежде всего, бросается в глаза, что ни в одном своём сочинений Цицерон не упоминает о наличии авторитета у женщин. Все, о ком он говорит и пишет, - это мужчины. Более того, это не просто мужчины, но, как правило, взрослые мужи и домовладыки. Этот факт позволяет сблизить цицероновское понимание *auctoritas* с трактовкой этого понятия римскими юристами классического периода, обозначившими словом *auctoritas* категорию дееспособности, определяющуюся по критериям возраста, пола и душевного здоровья»³⁶. Эта объёмная цитата кажется нам необходимой, поскольку даёт ясное понимание о том, кто являлся обладателем авторитета и как это представление отразилось в дальнейшем.

В речах Цицерона мы встречаем характеристики личности, позволяющие ей обладать авторитетом: мудрость³⁷, доблесть³⁸ (с последней связано мужество),

³⁵ Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М.: Статут, 2002 (1-е изд.), 2008 (2-е изд.). — Т. I (книги I—IV). С. 87.

³⁶ Марей А. В. Авторитет или Подчинение без насилия. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 32.

³⁷ «Мудрым людям, наделенным авторитетом и властью, какими обладаете вы, следует те недуги, от которых государство больше всего страдает, тщательнее всего и врачевать». Цицерон. Речи. В 2 томах. Т. I. (81-63 годы до н.э.). М.: Издательство АН СССР. С. 43.

³⁸ «И кто усомнится в том, какие подвиги совершит своей доблестью человек, который уже совершил так много своим авторитетом?» Там же. С. 179.

разумность³⁹, слава⁴⁰, «честность и стойкость»⁴¹. Таким образом, перед нами возникает портрет истинного римского гражданина, обладающего всеми перечисленными качествами, главным из которых является авторитет. Из всех речей выделяется «О предоставлении империя Гнею Помпею», в которой резюмируется все выше сказанное: «По моему мнению, выдающийся император должен обладать следующими четырьмя дарами: знанием военного дела, доблестью, авторитетом, удачливостью»⁴². Мы можем согласиться с А. В. Мареем, что в понятие доблесть (*virtus*) включаются выше перечисленные качества и, таким образом, *auctoritas* подразумевал под собой наличие других качеств, которые его обуславливали.

Что же давал авторитет своему владельцу? Как мы видим, слово таких граждан было значительным и имело определённую силу в суде и собраниях; благодаря авторитету полководец ввел в бой своих легионеров и мог воздействовать на врагов. Как подчеркивает А.В. Марей, высокий авторитет мог спасти человека от обвинений⁴³. А потеря его чаще приводила к большим проблемам для человека и, скорее всего, его ожидал печальный итог – потеря должности и низведение до низов общества.

Таким образом, авторитет римского гражданина подразумевал под собой комплекс общепринятых моральных качеств, дееспособность и способность человека принимать решения и нести ответственность.

При этом стоит отметить, что для Цицерона авторитетом обладает не только личность, но и римский народ⁴⁴, сословия⁴⁵, сенат⁴⁶, должности⁴⁷, и уже позже в этот список войдет фигура императора. В нашей работе будет важным сказать несколько слов об авторитете сената и сосредоточиться на *auctoritas* императора.

Для Римской республики было характерно полисное устройство. В кризисный момент, в которой жил Цицерон, сенат как общественный институт не мог существовать в сознании людей: сенат – это собрание почтенных старейших, авторитет которых составлял авторитет сената. Эта картина меняется с установлением принципата, в эпоху которого авторитет переходит от конкретных людей к органу, т.е. сенату, или к титулу – принцепсу. Мы видим, что авторитет сенаторов поменял свой источник – если ранее это обуславливалось личными качествами, то теперь в силу принадлежности к институту. А.В. Марей выдвигает предположение, что именно в ту эпоху *auctoritas* окончательно начинает восприниматься как власть⁴⁸. Как ранее мы

³⁹ «Итак, вы уже теперь можете себе представить, квинтиты, как велик будет его авторитет, еще возросший благодаря многим его подвигам.» и «Кто более известен своим мужеством, умом, авторитетом?» Там же. С. 179.

⁴⁰ «Авторитет во многих случаях был очень велик и должен быть велик в ваших глазах; я это признаю; но в этом деле, хотя вам и известны противоположные суждения храбрейших и прославленных мужей». Там же. С. 180.

⁴¹ Там же. С. 186.

⁴² Там же. С. 174.

⁴³ Марей А. В. Авторитет или Подчинение без насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 35.

⁴⁴ «Авторитет сената» Там же. С. 285.

⁴⁵ «Авторитет всего этого сословия» С. 67 и «авторитет всаднического сословия» Там же. С. 233.

⁴⁶ «Авторитет сената» Там же. С. 281.

⁴⁷ «Авторитет цензоров» Там же. С. 223.

⁴⁸ Марей А. В. Авторитет или Подчинение без насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 36.

попытались объяснить всплеск употребления слова *auctoritas* историческими событиями, так и сейчас нам стоит указать на то, что кризис в республике был связан с постоянным расширением границ и вопросом римского гражданства, которое в начале было распространено в Италии, и только в 212 г. эдикт императора Каракаллы распространил его уже на всей территории империи.

Следует заметить интересную деталь: сенат, подобно ранее приведенным мудрецам из Дигест, в силу своего авторитета придаёт решениям народных собраний статус законов. У Цицерона мы находим следующее: «тогда как власть принадлежит народу, авторитет остается у сената» (Цицерон. О законах, 3, 12, 38.) Как следует из выше приведённого фрагмента – народ обладает *potestas* (властью) и может выдвигать те или иные решения, но только благодаря авторитету старейшин они делаются обязательными. Здесь будут уместны слова Ханны Арендт: «Поскольку «авторитет», приращение, которое сенат должен добавлять к политическим решениям, — это не власть, он кажется нам чем-то на удивление неуловимым и неосязаемым»⁴⁹.

Мы бы хотели начать наш разбор авторитета императора со слов Октавиана Августа: «Я превосходил всех авторитетом, но власти имел не больше, чем другие, кто были у меня когда-либо коллегами по должности»⁵⁰. Как уже из этих слов следует, что Октавиан Август стремился «управлять республикой с помощью не власти, но авторитета»⁵¹.

Теоретические предпосылки принципата мы можем найти у Цицерона, несмотря на то, что, по мнению Р. Гейнца, в трактате «О государстве» он занимается построением аристократической республики. Понятия *auctoritas* и *princeps* происходят из аристократической среды: «*Principes*» у Цицерона — всего лишь перевод греческого слова *ἀριστοί*. *Principes* — это руководящие мужи сената»⁵². Однако, Цицерон невольно подготовил почву для Октавиана Августа, и заключается это в самой идее того, что Римская Республика – это идеальный пример смешанного устройства, процветание которой (как и любой формы государства) зависит от нравов (*mores*) и мужей (*virī*). Таким образом, изменения политического устройства оказываются лишними, но «нужно лишь «подновить краски», вдохнуть древний дух — древние *mores* и *virtutes* — в современных граждан»⁵³. Эти изменения должны пройти под контролем гражданина, отличающегося от всех *virtus* (как совокупность и нравственных качеств) и авторитетом. Эту идею обновления без затрагивания фундамента республики провозгласил Август. Это было связано с тем, что в начале своей политической карьеры он боролся за власть и представлял партии цезарианцев, которые отличались демократическими тенденциями. Характерно, что второй триумвират имел врага в лице сенатской олигархии и староримской знати. Позиция Августа меняется, когда была одержана победа над Антонием и перед ним встала проблема удержания полученной

⁴⁹ Арендт, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 186.

⁵⁰ Хрестоматия по истории Древнего Рима/ под ред. В. И. Кузищина М.: Высшая школа, 1987. С. 166-176.

⁵¹ Марей А. В. Авторитет или Подчинение без насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 43.

⁵² Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима М.: Наука, 1977. С. 213.

⁵³ Там же. С. 214.

власти. Объединить широкие слои населения можно было с помощью консервативных лозунгов, т.е. следования римской традиции и нравам предкам, которые и провозгласил Август. Эти тенденции внутренней политики отражены им в «Деяниях божественного Августа»: «Я вернул свободу республике» или: «Новыми законами, принятыми по моей инициативе, я возвратил многие обычаи предков, уже забытые в наш век». Однако, в действительности ситуация складывалась гораздо сложнее.

С 29-27 г. до н.э. Август принимает множество законов, которые окончательно формируют фигуру принцепса, в руках которого сосредоточились полномочия народного трибуна и консула, дающие *potestas* и *imperium*⁵⁴. Среди прочего, Август изменил сложившуюся систему, передав законодательные функции народного собрания сенату, что привело к потере последним *auctoritas* и приобретением *potestas*. Так же римские юристы получили *ius respondendi*, теперь их ответы давались на основании авторитета принцепса и только благодаря этому становились источником права⁵⁵.

Таким образом, Август, используя лозунг Цицерона и проводя свои реформы, сумел сосредоточить весь авторитет в руках императора, но не как личности, а как института. С этого момента все институты Римской империи получали свой авторитет от фигуры императора. Мы можем констатировать, что *auctoritas* претерпел сильные изменения: от неделимого и недеделигуемого качества гражданина *auctoritas* перешёл «в ресурс самоутверждения политической власти империи, в своеобразную разновидность *potestas*⁵⁶».

4. Понятие *auctoritas* в Средневековье

4.1. Новая трактовка *auctoritas* и учение о «двух мечях»

Христианство, возникшее в I в. н.э. в Палестине, к III в. стало официальной религией огромной Римской империи. Конечно, история восхождения была тернистой, однако для нас в этой главе будет важно показать, как римская традиция повлияла на это религиозное учение и как с этим связано римское представление об авторитете.

Мы будем исходить из предположения, что «Август был христианизирован, а Иисус — романизирован, превращен в *civis romanus*»⁵⁷ Как можно это понимать? Факт того, что церковь унаследовала от империи многие политические и духовные компоненты, не вызывает сомнения. Христианская церковь в начале своего пути столкнулась с той реальностью, которую она не смогла преодолеть, и лишь путём встраивания в себя некоторых компонентов Античного мира она смогла стать понятной для большинства граждан империи⁵⁸. Церковь стала мыслить в римских категориях, смерть и воскресение Христа стали для неё основанием Рима, т.е. уникальным и

⁵⁴ Марей А. В. Авторитет или Подчинение без насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 45.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 46.

⁵⁷ Ханна Арендт ссылается на одно любопытное замечание сделанное Эриком Петерсоном (*Der Monotheismus als politisches Problem*, Leipzig, 1935) С. 192.

⁵⁸ Ханна Арендт пишет по этому поводу: «церковь сумела в конечном счете преодолеть антиполитические и антиинституциональные веяния христианской веры, столь явственные в Новом Завете и ранних христианских текстах, создававшие столько проблем в ранние века и, казалось бы, непреодолимые». С. 191.

неповторимым событием, а закон, который так распространен у иудеев, отошёл на второй план; первое место заняли свидетельства жизни Христа, которые стали восприниматься как подлинная история. Апостолы в силу того, что были свидетелями жизни Христа и образцами нравственности, имели несравнимый ни с кем авторитет, который они передали церкви. Из этого возникает противоречие между церковью и императором, поскольку последний ещё со времен Октавиана Августа обладает *potestas* и *auctoritas*.

Со времени падения Римской империи церковь начинает играть большую роль в политике, и неудивительно, что в V в. Папа Геласий I в своём послании к императору Анастасию пишет следующее: «Ибо есть две [власти], о император и август, которыми по праву верховенства управляется этот мир: святой авторитет понтификов и царская власть»⁵⁹. Геласий, говоря о духовной власти, употребляет «*auctoritas sacra pontificum*»⁶⁰, из чего можно сделать вывод, что церковь претендует на авторитет сената, а *potestas* римского народа должна остаться в руках императора. Более того, используя термин «*pontificum*», Геласий подчёркнуто намекает Анастасию, что титул верховного понтифика, который в свое время присвоил Октавиан Август, также должен принадлежать исключительно Папе. Вместе с отказом от этого титула весь авторитет императора переходит папе (в обоих случаях это авторитет института, а не личности).

От титула верховного понтифика отказался император Грациан в IV в. под влиянием Амвросия Медиоланского, и уже в V в. папа Лев I присваивает этот титул себе. Стоит отметить, что, несмотря на это, императоры следовали традиции, идущей с Константина I, согласно которой император является покровителем церкви. В связи с последним посланием Геласия, в котором папа призывает императора добровольно отказаться от авторитета в духовных делах, не встретило понимания.

Императоры не желали терять свой авторитет, что привело к противостоянию между императором и Папой – этот конфликт станет определять политическую жизнь Европы вплоть до конца Средних веков.

Как мы уже отмечали, ранее христианство испытало сильное влияние со стороны римских институтов и римской традиции, однако это влияние не было односторонним, как пытается показать Ханна Арендт. В Послании к Римлянам апостол Павел говорит: «Нет власти не от Бога» (Рим. 13:1) – из этого следует, что вся власть и весь авторитет принадлежат Богу, и только от него проистекает власть и авторитет того или иного человека⁶¹. Фактически мы видим, как в Средневековье *potestas* и *auctoritas* сливаются в нечто единое. Это представление нашло свое отражение в «учении о двух мечах», истоки которого мы находим в послании папы Геласия I.

Возвращаясь к этому посланию, в котором Папа утверждает существование лишь двух властей: «святой авторитет понтификов и царская власть», – с опорой на Евангелие от Матфея: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю: не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34) и Евангелие от Луки: «Они сказали: Господи, вот, здесь два меча. Он им сказал: довольно» (Лк. 22:38) в нем делался вывод о

⁵⁹ Антология мировой правовой мысли том 2 С. 167.

⁶⁰ *Patrologiae cursus completus latinus*/ Ed. J. P. Migne. Vol. 59. Col. 42.

⁶¹ В том же послании Геласия I Анастасию мы читаем: «власть вручена тебе [т.е. императору Анастасию] по велению свыше».

существовании двух мечей – духовного и материального⁶². При этом из самого послания ясно вытекает тезис о том, что духовная власть находится над светской; таким образом, начиная с Геласия I папы пытались обосновать первенство церкви над царством.

4.2. Империя и клир – рассмотрение взаимоотношений светской и духовной власти на примере противостояния императоров и римских пап

В данной части мы ставим перед собой задачу адекватно представить власти и влияние церкви на политическую ситуацию в средневековой Европе.

В начале средневековья римская католическая церковь стала доминировать на политической арене Европы благодаря своему влиянию на королевскую власть в варварских королевствах. В последние годы римской империи именно епископы становились крупными землевладельцами в римских провинциях, таким образом, в их руках сосредоточилась вся власть, принадлежавшая некогда имперскому наместнику. С приходом германских племен церковь начинает терять свои территории, а вместе с этим власть Святого престола оказалась подорванной. Прекрасно осознавая это, церковь не могла воспрепятствовать процессу складывания варварской аристократии. С конца V и начала VI вв. формируется запрос церкви на обоснование своей власти – естественно, грубая сила (*potestas*) не могла быть принята церковью по той причине, что реальными силами она не обладала, другое дело *auctoritas*, который прекрасно удовлетворял запросы Рима. С послания Геласия I начинает формироваться понимание сущности церковной власти.

В VIII веке королевская власть династии Меровингов была ослаблена – в действительности королевством управлял майордом, и постепенно в его руках сосредоточилась королевская власть и огромное влияние, однако, Пипин Короткий не решался на открытое восстание против Хильдерика III без папского разрешения. Т.е. мы можем утверждать, что вассал прекрасно понимал, что его выступление против законного короля нелегитимно – легитимность ему может предать только слово римского папы, которое он и получил в 751 г.⁶³. И снова мы видим, что авторитет церкви работает так же, как и авторитет римского сената, делающий волю народа законом. Теперь мы немного отойдем от темы авторитета и опишем уникальную систему взаимоотношений между епископами и императором, которая сложилась в Оттоновской империи.

⁶² Марей А. В. Авторитет или Подчинение без насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 57

⁶³ Вот как об этом событий пишет Эйнхард: Считается, что род Меровингов, от которого обыкновенно производили себя франкские короли, существовал вплоть до царствования Хильдерика, который по приказу римского папы Стефана был низложен (751 г.), пострижен и препровожден в монастырь. Может показаться, что род [Меровингов] пришел к своему концу во время правления Хильдерика, однако уже давно в роду том не было никакой жизненной силы, и ничего замечательного, кроме пустого царского звания. Дело в том, что и богатство, и могущество короля держались в руках дворцовых управляющих, которых называли майордомами; им и принадлежала вся высшая власть. С. 53-55.

В Восточно-Франкском⁶⁴ королевстве взаимоотношения между королём и крупными вассалами сразу обрели черты, не характерные для остальных двух частей бывшей империи Карла Великого. Здесь изначально была сильна власть племенных герцогов (Саксонии, Баварии и т.д.), которые после смерти Людовика IV избрали своим королем Конрада I. Следует упомянуть, что все его правление можно было охарактеризовать как перманентную борьбу с племенными герцогами, которую в итоге он проиграл. Генрих I Птицелов, отказавшись от политики Каролингов, смог успешно подчинить Швабию и Баварию, однако зависимость короля от герцогов осталась высокой. Оттон Великий, прекрасно понимая сложившиеся отношения, приложил все усилия для выхода из этого тупика, ибо если эта ситуация остаётся, то полагаться можно лишь на силы Саксонского герцогства. Новый германский король нашёл решение в связке духовной и светской власти, в которой первая зависима от второй. Таким образом, Оттон I на территории Германского королевства создал имперскую церковь, т.е. сделал своими прямыми вассалами всех епископов и на протяжении всего своего правления старался всячески поддерживать клир, который вследствие того, что получал право на владение землей от короля, также стал надёжной опорой светской власти⁶⁵.

Подобный союз двух властей в Европе не мог существовать слишком долго, т.к. германцы стремились подчинить не только Италию, но главным образом Римских пап, с чем многие были не согласны. В Византийской империи мы видим, что изначально зависимая от императорской власти церковь смирилась со своим положением, на Западе же Святой Престол, помнивший о временах своего могущества, не мог смириться с диктатом «северных варваров». В середине XI в. в церковной среде начинается дискуссия о необходимости реформирования церкви, реформаторы направили все свои усилия на поднятие нравственного авторитета католичества, и в первую очередь они попытались противостоять симонии – продаже церковных санов⁶⁶, а также требовали независимости духовной власти от императора. Самый пик этого движения пришёлся на период правления последних Салиев – Генриха IV и Генриха V. Возникшие противоречия императоры попытались решить грубой силой, однако противостояние Генриха IV и Григория VII закончилось покаянием императора в Каноссе. Борьба последнего из рода Салиев не принесла ожидаемой победы, но в результате наметилось сближение враждующих сторон, и 23 сентября 1122 г. был заключен Вормский конкордат, который, путём отказа императоров назначать епископов, разрешил противоречия двух властей. В итоге Святой Престол одержал

⁶⁴ Наше понимание специфики политических отношений в Восточно-Франкском королевстве складывается из анализа работы французского историка и медиевиста Франсиса Раппа «Священная Римская империя германской нации».

⁶⁵ По этому поводу в монографии австрийского историка Фердинанда Опля сказано следующее: «Церкви как одной из наиболее значительных «государственно-несущих» сил в средние века отводилась абсолютная решающая роль в созидании Империи» С. 249.

⁶⁶ Яркий пример разложения в католической церкви приводит Н.Ф. Колесницкий в своей работе: «Коронационный поход в Рим Генрих III смог предпринять только в 1046 г. В это время на папском престоле оказались одновременно два папы: Сильвестр III и Григорий VI. Первый был избран вместо изгнанного римлянами Бенедикта IX, второй откупил за 1000 марок папскую тиару у того же Бенедикта. Григорий VI, купивший за деньги «апостольский престол», слыл клонийцем и оправдывал свой поступок благородными намерениями «реформировать Римскую церковь». С. 78.

первую победу, но новая династия Штауфенов хотела править подобно ранним Салиям, что вновь привело к долгой вражде. Вновь столкнувшись с угрозой потери независимости, церковь попыталась получить влияние на процедуру выборов императоров, что успешно осуществил Иннокентий III, о котором мы и начнём говорить.

4.3. Учение Иннокентия III об *auctoritas* церкви

Одним из крупных последователей учения Геласия I был Лотарио Конти, который в 1198 г. вступил на Святой Престол под именем Иннокентий III. А. В. Марей характеризует его как одного из «наиболее сильных и знаменитых понтификов», вошедшего в историю благодаря усилиям в утверждении авторитета папы и власти Папства⁶⁷. Он подчинил английского короля Ионна Безземельного, заставив его принести вассальную клятву, провёл IV Латеринский собор, на котором, среди прочего, был провозглашён крестовый поход против альбигойцев и утверждён орден доминиканцев.

Если обратиться к трудам Иннокентия III, то там мы обнаружим, что понятие *auctoritas* означает власть церкви, источником авторитета являются апостолы, но главное это то, что понтифик утверждает, что авторитет папы придает силу решениям светской власти⁶⁸. Папская булла «*Venerabilem*» была посвящена проблеме выборов императора Священной Римской Империи. Воспользовавшись ослаблением имперской власти после смерти Генриха VI, папа начал проводить активную политику не только в Италии, но и в самой империи. Князья – выборщики (позднее курфюрсты) имеют власть избирать будущего императора, но легализовать этот выбор может только церковь в лице папы. Таким образом, без папского одобрения выбор князей является незаконным. Можно утверждать, что Иннокентию III удалось одержать убедительную победу над сторонниками верховенства императора, также был нанесен сильный удар по ненавистным Штауфенам – была исключена возможность выбора императора из этого рода без согласия Святого Престола.

Позиция Иннокентия III была выражена им в Булле *Sicut universitatis*: «Подобно тому как творец Вселенной Бог поместил на небо два больших светила, чтобы большее светило главенствовало днем, а меньшее – ночью, так же Он установил два великих достоинства для опоры вселенской церкви, которая зовется именем неба: большее, которое главенствовало над душами, словно днями, и меньшее, которое главенствовало над телами, словно ночами – это есть авторитет понтифика⁶⁹ (*pontificalis auctoritas*) и королевская власть. В свою очередь так же Луна получает свой свет от Солнца и поэтому меньше Солнца по размеру и в то же время по качеству и таким же образом по положению и действию, так и королевская власть получает блеск своего достоинства от авторитета понтифика. Чем больше она прильнёт, тем большим светом украшается, и чем больше она удаляется от взора, тем больше теряет в

⁶⁷ Там же. С. 57.

⁶⁸ Там же. С. 59.

⁶⁹ Точный перевод этого словосочетания – «папский авторитет», однако автор постарался подчеркнуть преемственность между Геласием I и Иннокентием III.

блеске»⁷⁰. Из приведенного фрагмента ясно следует, что светская власть следует за высшей, т.е. духовной, которой обладает церковь, более того, без авторитета церкви власть светских владык неполноценна или, точнее, нелегитимна.

Также Иннокентию III принадлежит разработка концепции полноты власти церкви, которая имеет свою основу в идее об изначальном единстве власти в Боге, которую он передает светским и церковным владыкам⁷¹. Из этого следует, что на территории Папской области папа подобен Августу – он имеет авторитет высшего понтифика и власть правителя. Но, как показывает история, одной Папской областью папы никогда не ограничивались – они претендовали на власть над всеми светскими правителями, что в итоге привело к Авиньонскому пленению пап.

С приближением конца Средневековья противостояние авторитета и власти уходит на второй план, уже в XIV в. различие между ними стёрлось настолько, что они практически перестали различаться в политике. Как пишет А. В. Марей: «Для того чтобы в истории авторитета было сказано новое слово, понадобилось снятие противопоставления церкви и светской политической власти, пришедшее в европейскую культуру вместе с Реформацией»⁷².

Заключение

В данной работе была проведена попытка проследить историю понятия «авторитет» с Римской республики вплоть до конца Средневековья. Из всей работы мы можем вывести следующее – понятие «авторитет» зародилось в римском полисе, и обязано исключительно римскому восприятию политического пространства полиса, которое отличалось от греческого. Кризис полисной системы в Греции также привел к некоторым попыткам ввести в политику авторитет, авторитет философа, как это было у Платона, или старших – у Аристотеля, однако их теоретические построения плохо работали в реальной политике.

В I в. до н.э. в Риме мы можем уверенно констатировать, что авторитет гражданина был характеристикой личности, которая зависела от ряда качеств и репутации в обществе. На основе личного авторитета каждого сенатора формировался авторитет римского сената.

Ко времени второго триумvirата авторитет сенатора уже не зависел от входивших в него лиц, теперь сенат имел авторитет как институт, но пока существовала республика, членом сената мог стать только человек, обладавший огромным авторитетом⁷³. С установлением принципата Октавиана Августа меняется традиционное понимание авторитета.

Октавиан Август сосредоточил в руках принцепса авторитет сената и всю полноту политической власти. С этого момента авторитет приобрел способность передаваться от императора подданным, вследствие этого их действия получали легальный характер. При этом не стоит забывать, что на уровне частной сферы

⁷⁰ Innocentii III Romani pontificis opera Omnia tomis quatuor distribute / ed. By J. P. Migne. Paris, 1855. T. 1. Doc. 377.

⁷¹ В.А. Марей Авторитет или Подчинение без насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 60.

⁷² Там же. С. 61.

⁷³ Там же. С. 62.

авторитет воспринимался так же, как и во времена республики⁷⁴.

Христианство, утвердившись при императоре Константине I, также оказало влияние на понятие «авторитет». Римские епископы, а позже папы, пытались сформировать авторитет церкви. Для этого церковными деятелями было создано «учение о двух мечях», согласно которому авторитет и власть находятся в руках Бога, который передаёт их духовной и светской власти. Отношения между германскими императорами и римскими папами привели к долгой борьбе, которая отразилась на представлениях о власти. Это позволило Иннокентию III утвердить первенство духовной власти над светской, а его концепция полноты власти церкви привела к слиянию понятий *auctoritas* и *potestas* – теперь они обозначали две стороны одной медали, т.е. политической власти. В итоге это сняло противоречие между авторитетом и властью.

Литература

- Антология мировой правовой мысли. Т. 2 Европа. V-XVII вв. // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Под ред. Н.А. Крашенинникова. М.: Мысль, 1999. 829 с.
- Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / Пер. с англ., и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.
- Аристотель. Политика // Аристотель, Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
- Дигесты Юстиниана, Т. 1 (книги I—IV) / Пер. с лат.; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2008. 584 с.
- Колесницкий Н.Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность. М.: Наука, 1977. 199 с.
- Колесницкий Н.Ф. Феодалное государство (VI-XV вв.). М.: Просвещение, 1967. 272 с.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. и ком. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 488 с.
- Марей А.В. Авторитет или Подчинение без насилия. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 151 с.
- Опль Ф. Фридрих Барбаросса / Пер. с нем. Ермаченко И.О., Некрасова М.Ю. СПб.: Евразия, 2010. 512 с.
- Платон. Государство Книга II // Платон, Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
- Рапп Ф. Священная Римская империя германской нации / Пер. с фр. М.В. Ковальковой. СПб.: Евразия, 2009. 427 с.
- Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима. М.: Наука, 1977. 257 с.

⁷⁴ Там же.

- Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. В.И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1987. 431 с.
- Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах / Пер. с лат. В.О. Горенштейна. М.: Наука, 1966. 224 с.
- Цицерон. Речи // Цицерон, Речи: в 2 т. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1962. 452 с.
- Шмитт Карл. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. М.: Наука, 2005. 329 с.
- Эвола Ю. Традиция и Европа. Тамбов, 2009. 248 с.
- Эйнхард. Жизнь Карла Великого. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 304 с.
- Innocentii III. "Romani pontificis opera Omnia tomis quatuor distribute": in *Patrologiae cursus completes latinus*, ed. by J. P. Migne. Paris, 1855. Vol. 214.
- Patrologiae cursus completes latinus*, ed. by J. P. Migne. Paris. 1862. Vol. 59.

References

- Antologiya mirovoi pravovoi mysli. Evropa. V-XVII vv. in: *Antologiya mirovoi pravovoi mysli*, Vol. 2, ed. by N.A. Krashennnikov. Moscow: Mysl' Publ., 1999. 829 pp. (In Russian)
- Arendt, H. *Mezhdru proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli*, trans. by D. Aronson. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara Publ., 2014. 416 pp. (In Russian)
- Aristotel. *Politika* [Politics], in: *Aristotel, Sobranie sochinenii* [Works], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 830 pp. (In Russian)
- Dvoretzkii, I.Kh. *Latinsko-russkii slovar'*. Izd. 2-e. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1976. 1096 pp. (In Russian)
- Digesty Yustiniana*, T. 1 (knigi I—IV), trans. by L.L. Kofanov. Moscow: Statut Publ., 2008. 584 pp. (In Russian)
- Kolesnitskii, N.F. *Svyashchennaya Rimskaya imperiya: prityazaniya i deistvitel'nost'*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 199 pp. (In Russian)
- Kolesnitskii, N.F. *Feodal'noe gosudarstvo (VI-XV vv.)*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1967. 272 pp. (In Russian)
- Kollingvud, R.Dzh. *Ideya istorii. Avtobiografiya*, trans. by Yu.A. Aseev. Moscow: Nauka Publ., 1980. 488 pp. (In Russian)
- Marei, A. V. *Avtorit et ili Podchinenie bez nasiliya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2017. 151 pp. (In Russian)
- Opll, F. *Fridrikh Barbarossa*, trans. by Ermachenko I.O., Nekrasov M.Yu. Saint Petersburg: Evraziya Publ., 2010. 512 pp. (In Russian)
- Plato. *Gosudarstvo Kniga II*, in: *Plato, Sobranie sochinenii* [Works], Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 654 pp. (In Russian)
- Rapp, F. *Svyashchennaya Rimskaya imperiya germanskoi natsii* [Le Saint-Empire romain germanique, d'Othon le Grand à Charles Quint], trans. by M.V. Koval'kov. Saint Petersburg: Evraziya Publ., 2009. 427 pp. (In Russian)

- Utchenko, S.L. *Politicheskie ucheniya drevnego Rima*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 257 pp. (In Russian)
- Khrestomatiya po istorii Drevnego Rima, ed. by V.I. Kuzishchin. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1987. 431 pp. (In Russian)
- Ciceron. *Dialogi: O gosudarstve. O zakonakh*, trans. by V.O. Gorenshtein. Moscow: Nauka Publ., 1966. 224 pp. (In Russian)
- Ciceron. *Rechi*, in: *Ciceron, Rechi*, Vol 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962. 452 pp. (In Russia)
- Schmitt, C. *Diktatura. Ot istokov sovremennoi idei suvereniteta do proletarskoi klassovoi bor'by*. Moscow: Nauka Publ., 2005. 329 pp. (In Russian)
- Evola, Yu. *Traditsiya i Evropa*. Tambov, 2009. 248 pp. (In Russian)
- Einkhard. *Zhizn' Karla Velikogo*. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, theology and history, 2005. 304 pp. (In Russian)
- Innocentii III. "Romani pontificis opera Omnia tomis quatuor distribute": in *Patrologiae cursus completes latinus*, ed. by J. P. Migne. Paris, 1855. Vol. 214.
- Patrologiae cursus completes latinus*, ed. by J. P. Migne. Paris. 1862. Vol. 59.

The concept of auctoritas in the Middle Ages

Zhulev V.V., RSUH, Moscow

Abstract: The article explores the "auctoritas" notion, which origins stem from the Roman Republic, its further transformation in the Roman Empire, and eventual falling under the area of Pope's faculties during the Middle Ages. The author doesn't limit his research with historical and philological data, the article includes an analysis of Hanna Arendt's essay «What is Authority?», in which political philosophy teachings of Plato and Aristotle are presented as attempts to introduce the notion of Authority to the political process of the city-states. However, it is noted in the following text that the city-state system of Ancient Greece provided a different structure of political process to the one in the Roman state, which means that the concept of Authority, as it was understood in the Ancient Rome, could not have possibly appeared there. The author attempts to represent the position of the Roman Catholic Church in the medieval Europe, its relations with the emperor of the Holy Roman Empire and with other political leaders, based on medieval sources and modern researches. Further this paper investigates the process of power legitimation of the Church from the letter from Pope Gelasius I addressed to the Byzantine emperor Anastasius, to the assertion of the absolute authority of the Church under the influence of Pope Innocent III, which resulted in erasing the borders between the notions of «Auctoritas» and «Potestas».

Keywords: authority, polis, Plato, Aristotle, Roman Republic, Cicero, citizen, emperor, Christianity, Theory of the Two Swords, Gelasius I, Innocent III.